

В. Г. Кузнецов

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ
ЖЕНЕВСКОЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
ШКОЛЫ

STUDIA PHILOLOGICA

Валерий Кузнецов

**Научное наследие Женевской
лингвистической школы**

«Языки Славянской Культуры»

Кузнецов В. Г.

Научное наследие Женевской лингвистической школы /
В. Г. Кузнецов — «Языки Славянской Культуры»,

Монография посвящена историографическому анализу с позиций современной лингвистики научного наследия Женевской школы – одного из ведущих направлений языкознания XX века, оказавшего значительное влияние на развитие науки о языке и не утратившему свою значимость. Дается всесторонняя оценка научного наследия Женевской школы, определено ее место в истории языкознания, установлены объединяющие начала, дающие основание признать эту школу самостоятельным научным объединением. Концепция Женевской школы анализируется не только на основе канонического текста «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра, но и с широким привлечением его рукописных источников, архивных материалов, документальных источников. Вводятся в научный оборот недостаточно представленные в существующих работах составляющие научного наследия Женевской школы – теория языкового знака, грамматическое учение, семиологическая концепция и новый массив данных – соссюрологические исследования, материалы научных фондов. Ввиду широты проблематики научного наследия Женевской школы оно представляет интерес для специалистов по разным разделам науки о языке: истории и теории языкознания, грамматике и стилистике, лингвистике текста, прагмалингвистике и когнитивной лингвистике.

© Кузнецов В. Г.

© Языки Славянской Культуры

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	7
ЧАСТЬ I	15
Глава I	15
§ 1. Краткая историография Женевской школы и истоки научной проблематики. Научные связи с Россией	15
§ 2. Теоретические принципы	23
§ 3. Соссюрология	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Валерий Георгиевич Кузнецов

Научное наследие Женевской лингвистической школы

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Валерий Георгиевич Кузнецов – доктор филологических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ). Выпускник этого учебного заведения. Работал в качестве переводчика и референта, научного сотрудника отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН, заведовал кафедрой европейских языков и межкультурной коммуникации Института европейских языков и мировой экономики МГЛУ. В настоящее время профессор кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка МГЛУ.

Тема кандидатской и докторской диссертаций – история лингвистических учений. В сферу научных интересов также входят: теория языка, когнитивная лингвистика, сравнительная типология, межкультурная коммуникация и стилистика французского языка. Автор учебного пособия «Функциональные стили современного французского языка», лингвострановедческого словаря для говорящих на французском языке, ответственный редактор и автор статей в юбилейном сборнике «Фердинанд де Соссюр и современное научное знание» (М., 2008), автор статей о Женевской школе и о ряде лингвистов в Большой российской энциклопедии. Кроме того, автор многочисленных публикаций в «Вестнике МГЛУ», «Вопросах языкозна-

ния», «Известиях РАН» и др. Член Российской ассоциации лингвистов-когнитологов, участник многих лингвистических конгрессов и конференций.

ВВЕДЕНИЕ

Задача истории науки состоит в том, чтобы восстановить и сохранить преемственность научных идей и положений, воздать должное предшественникам, установить научные приоритеты и, главное, обосновать с позиций современной науки актуальность и перспективность выдвигавшихся идей и положений. Исторический подход к научному знанию свидетельствует о непрерывности его развития: каждое данное состояние в развитии научных знаний представляет собой фазу поступательного движения. Нельзя не согласиться с основоположником методологии исследований истории науки В. И. Вернадским в том, что «каждое поколение научных исследователей ищет и находит в истории отражение научных теорий своего времени. Двигаясь вперед, наука не только создает новое, но неизбежно переоценивает старое, пережитое» [Вернадский 1922: 112].

Обращение к истории науки свидетельствует о ее зрелости, усложнении решаемых ею задач, требующих систематизации и осмысления накопленных знаний, закономерностей их получения.

Исследования по истории науки имеют не только познавательную ценность, прежде всего они служат современной науке ориентирами не только в ее настоящем состоянии, но и в будущем. В. И. Вернадский, один из пионеров историографии науки, писал в этой связи: «Научное изучение прошлого, в том числе и научной мысли, всегда приводит к введению в человеческое сознание нового» [Вернадский 1981: 243].

Задача истории науки, таким образом, обратить внимание на идеи, оставшиеся по разным причинам незамеченными и недооцененными современниками исследуемых школ и направлений, а иногда и последующими поколениями, и являющиеся перспективными и плодотворными с точки зрения современной науки. Ценность и значимость истории науки – в ее возможности прогнозировать научные знания. Она обращена не только в прошлое, настоящее, но и в будущее, охватывая три временных измерения.

Исторический подход к научным школам и направлениям позволяет представить их на широком культурном фоне, понимая под культурой совокупность достижений в разных областях знаний. Это дает возможность зачастую по-новому воспринимать известные, привычные факты. Научно-исторический факт, по нашему мнению, следует рассматривать с двух сторон: во-первых, как одно из явлений соответствующей науки, и во-вторых, как принадлежность культуры в широком смысле.

При изучении истории науки нередко выясняется, что некоторые современные идеи и представления формулировались и обсуждались ранее под другими названиями и в другой связи.

При изучении истории науки обнаруживаются не только несомненные достижения, открывающие новые пути, но и ошибки и заблуждения. В последнем случае задача исследователя – установить источники этих ошибок и заблуждений, чтобы избежать их в будущем.

В задачу истории науки входит также установление традиций и преемственности между отдельными учеными, школами и направлениями, их роли во взаимном обогащении новыми идеями. При этом некоторые идеи были восприняты современниками и утвердились в науке, другие были забыты на долгие годы, несмотря на их истинность и значимость.

Сказанное в полной мере имеет отношение и к истории языкознания, изучение которой имеет не только историко-познавательное значение, но является нередко источником постановки новых проблем в современной лингвистике.

Интерес к истории языкознания как научной дисциплине возник во Франции в конце XVIII в., когда французские грамматисты Ф. Тюрго и Д. Тьебо предприняли попытку создания общей концепции развития лингвистики. Методологические основы построения истории

науки о языке были заложены в период с середины XIX в. до начала XX в. в трудах таких видных языковедов, как Г. Штейнталь, Т. Бенфей, Б. Дельбрюк, В. Томсен, Х. Педерсен, С. К. Булич.

Однако как самостоятельная отрасль современной лингвистики история языкознания сформировалась во второй половине XX в. в трудах В. А. Звегинцева, М. Леруа, М. Ивича, Р. Робинса, Ж. Мунена. Этому в значительной мере способствовали специальные периодические издания (*Historiographia linguistica*), международные конференции по истории языкознания. История науки о языке стала постоянной темой и на международных лингвистических конгрессах.

История языкознания, также как и другие науки, имеет собственную проблематику, которая включает:

- предмет и объект исследования,
- цели и задачи исследования,
- методы исследования,
- основные понятия истории языкознания,
- периодизацию истории языкознания,
- теоретическую и практическую значимость истории языкознания,
- место истории языкознания в системе научных знаний.

Итальянский лингвист, специалист по истории языкознания, Р. Симоне считает важным для эпистемологии лингвистики восходящее к Ф. де Соссюру различие предмета (*matière*) и объекта (*objet*) лингвистики [Simone 1975]. Объект моделируется в зависимости от уровня разработанности науки о языке и смежных наук в данный момент.

Предмет и объект соотносятся как данное, материал исследования и как интерпретация этого данного исследователем. Объект формируется объективно-субъективным подходом историка науки. Объективный подход обусловлен состоянием лингвистической науки и смежных наук, субъективной принадлежностью исследователя к определенной школе или направлению, культурной традиции, совпадением или расхождением его научных взглядов с анализируемыми концепциями. Примером могут служить существенные различия в оценке положений учения Соссюра Р. А. Будаговым в 1954 г. [Будагов 1954] и Н. А. Слюсаревой в 1969 г. [Слюсарева 1969], с разницей всего лишь в 14 лет.

Различение предмета и объекта исследования связано с философским вопросом об абсолютной и относительной истине. Научные истины являются относительными, поскольку обусловлены уровнем науки, не дают полного, исчерпывающего знания о предмете (абсолютная истина) и содержат элементы, которые в процессе развития научного знания будут изменяться, углубляться, уточняться.

Историю науки Симоне понимал как эволюцию тесно связанных между собой эпистемических и неэпистемических факторов. К эпистемическим факторам он относил: 1) состояние лингвистики, 2) состояние смежных наук, 3) место, отводимое лингвистике среди других наук. Среди неэпистемических факторов он выделял: 1) факторы, влияющие на установление признаков, вычленяемых в исследуемом объекте, 2) факторы, влияющие на разработку теории.

Рассмотрение основных моментов истории интерпретации соссюрской мысли свидетельствует о том, что Ф. де Соссюру приписывали всякий раз различные положения в зависимости от того, какими эпистемическими и неэпистемическими факторами историки пренебрегали. Сущность соссюрского учения о языке была понята только тогда, когда обратились к области признаков объекта исследования, которые были положены в основу построения его теории. Подход к анализу концепции Соссюра в историко-эпистемологическом плане позволил установить взаимосвязь отдельных сторон его учения.

Цель и задачи истории языкознания – теоретическое осмысление развития знаний о языке, анализ теорий и концепций генезиса лингвистической мысли в целом и в ее отдельных аспектах – традициях, течениях, направлениях и школах.

В настоящее время на повестке дня стоит задача разработки методологических основ истории языкознания. Речь идет прежде всего о методах исследования и понятийном аппарате. История языкознания должна быть не просто описательной наукой, фиксирующей последовательность имен, событий, положений¹, а объяснять суть изменений, претерпеваемых наукой, выявлять их движущие силы. Результаты и выводы истории языкознания позволяют соотносить современное состояние науки о языке с опытом ее предшествующего развития. В этом состоит первый комплекс методологических проблем истории языкознания.

Изучение прошлого науки должно исходить не из отдельных фактов, а из научной ситуации соответствующей эпохи в целом. Каждый этап развития знания о языке должен исследоваться как целостное явление, обладающее определенными внутренними закономерностями. Данные истории языкознания свидетельствуют о неоднократном обращении к одним и тем же фактам и явлениям, и каждый раз они предстают в новом ракурсе в связи с новой ориентацией исследования и новыми методами.

Для установления исторической перспективы развития научного знания важен целостный, системный подход к науке прошлого, рассмотрение отдельного этапа развития как фазы общего развития науки.

Одной из ключевых задач изучения истории языкознания является проблема развития, прогресса научного знания. Прогресс как неотъемлемая характеристика науки не является атрибутом каждого факта ее развития. История развития науки не подобна прямой линии, это «сложный процесс, полный противоречий, спадов, подъемов, возвращений на новом уровне к старым, давно оставленным и забытым взглядам, борьбы различных мнений, гипотез, теорий, редко выходящих из этой борьбы в своем первоначальном виде, но почти всегда незаметно меняющихся, впитывающих в себя новые элементы» [Микулинский 1981: 28]. Тот факт, что развитие науки не исключает предыдущие исторические этапы, подтверждается примерами возвращения науки к уже, казалось бы, «преодоленному» прошлому. Так, Ф. де Соссюр, разрабатывая проблемы языкового знака и синхронической лингвистики, обращался к традициям XVII – XVIII вв. и утверждал, что научная база грамматики того времени «менее подвержена критике, а ее предмет лучше определен, чем у той лингвистики, которую основал Бопп» [Соссюр 1977: 115]. Таким образом, проблема прогресса лингвистического знания должна решаться не на уровне отдельных научных фактов, а на уровне научного знания как целого с учетом прежде всего успешности и продуктивности применения полученных результатов для решения поставленных задач.

История и современное состояние языкознания соотносятся как историческое познание предмета и его результат, в котором последовательно складывавшиеся в ходе исторического развития связи достигли определенного состояния. Соотношение и взаимосвязь различных сторон развития целого отражает историю становления этого целого, историю познания его разных сторон в их взаимосвязи. Таким образом, между историей и теорией предмета существует диалектическая связь, и та и другая – развивающиеся и изменяющиеся во времени категории. Современное состояние предмета воспринимается как определенное и сформировавшееся, при этом не принимается во внимание, за исключением историков науки, зигзаги его развития, а также второстепенные, не являющиеся релевантными, с точки зрения его настоящего восприятия, факты. Отсюда вытекает различие в отображении предмета исследования в

¹ Не такой, как о ней писал С. Д. Кацнельсон: «История языкознания – это персонифицированная и драматизированная теория языка, в которой каждое научное понятие и теоретическое положение снабжено языком с указанием лиц, дат и конкретных обстоятельств, связанных с их появлением в науке» [Кацнельсон 1980].

историческом и современном состоянии. Другими словами, для современного исследователя предмет изучения предстает в большей мере в статике, и только исторический подход позволяет представить предмет в динамике.

Именно потому, что в самой действительности процесс и результат развития не совпадают, хотя и находятся в единстве, неизбежно различие по содержанию исторического и неисторического способов исследования. Задачей исторического исследования является раскрытие конкретных условий и форм развития тех или иных факторов и явлений, последовательность и внутренняя логика их перехода от одних исторических стадий к другим. Задача неисторического теоретического исследования – раскрытие роли, которую отдельные элементы предмета изучения играют в его составе как целого. Исторический подход позволяет восстановить динамику становления фактов и явлений, внутреннюю связь составляющих их элементов. Так, современное понимание противоречивых отношений между формой и содержанием в языке нередко основывается на теории асимметричного дуализма лингвистического знака С. Карцевского, восходящей, в свою очередь, к учению Ф. де Соссюра о произвольности знака. «С. Карцевский, – писал В. Г. Гак, – был, пожалуй, первым, кто в своей статье “Об асимметричном дуализме лингвистического знака” (1929) воспользовался терминами *симметрия* и *асимметрия* в применении к языку... Но если пятьдесят лет тому назад применение термина “асимметрия” к фактам языка могло казаться метафорой, то развитие языкознания за прошедшие столетия не только характеризуется все более широким использованием терминологической пары *симметрия* / *асимметрия*, но и осознанием этих категорий как отражения фундаментальных черт строения и функционирования языка» [Гак 1998: 106]. Тем самым история языкознания позволяет восстановить логические связи между последовательными стадиями становления и развития современных научных понятий и методов.

Как справедливо отмечает П. Сьюрен, «современная лингвистика, к сожалению, привыкла жить без собственной истории. Это обстоятельство печально не только потому, что ведет к суживанию горизонта... но еще и потому, что создает риск постоянного изобретения заново колеса». В результате многие важные вопросы, привлекавшие внимание наших предшественников, «выпали из поля зрения современной лингвистики, отчего она многое потеряла» [Seuren 1998: 11].

Глобальную задачу перед историей языкознания поставил Р. Симоне: разработать своего рода типологию открытий, к которым привели соответствующие исследовательские процедуры [Simone 1975]. Другими словами, речь идет о методологии научных открытий в отличие от логики изложения научных данных и их обоснования. На наш взгляд, эти два подхода взаимосвязаны, поскольку установлению закономерностей появления новых знаний предшествуют эмпирические обобщения количественных данных, приведших к качественным изменениям.

Опора на современные знания позволяет оценить значимость выдвигавшихся идей и положений для развития современной мысли, тем самым воздать должное деятелям прошлого, установить национальные и индивидуальные приоритеты. С другой стороны, прямолинейное перенесение современных представлений о научных фактах на научную деятельность прошлого без учета специфики состояния лингвистики и смежных наук в определенный период может привести к искажению исторической перспективы.

История языкознания, так же как и других наук, процесс не равномерный в плане появления качественно новых направлений и методов исследования. Развитие научного знания не может быть представлено как плавное и равномерное, периоды относительно спокойной и равномерной деятельности сменяются периодами перестройки научной деятельности, когда переосматриваются основополагающие представления, вырабатываются новые установки, приводящие к расширению проблематики исследования, становлению новых методов, формированию новых направлений исследования.

В то же время качественные скачки в развитии языкознания, например, под воздействием теории Соссюра в XX в. не означали разрыва с предшествующими традициями. В. И. Вернадский подчеркивал, что периоды качественных преобразований в науке носят «яркий созидательный, а не разрушительный характер. Строится и создается новое; оно для своего создания часто использует, перерабатывая до конца, старое» [Вернадский 1981: 232]. Иллюстрацией этого положения может служить творческое использование Ш. Балли в своей теории высказывания понятий французской рациональной грамматики XVIII в., а также социально ориентированной традиции французской лингвистики, ее тесной связи с общественной языковой практикой. Таким образом, наука на каждом этапе своего развития сохраняет в творчески переработанном виде опыт прошлого.

Новое в науке, как правило, возникает во взаимодействии со старым, даже если это взаимодействие носит характер полемики. Для дальнейшего развития знания имеет значение не только положительный, но и отрицательный опыт прошлого. В то же время то, что заимствуется у предшественников, не остается неизменным. Элементы предыдущих фаз развития продолжают существование в преобразованном виде в результате критического пересмотра в свете новых достижений и вовлекаются в новые условия и взаимосвязи. Как указывает Э. Кернер, лингвистике XIX в. не были чужды понятия «система» и «структура», а в XX в. они были «не просто введены в научный оборот, но и существенно переосмыслены» [Koerner 1975]. С. Ору замечает, что минимальные пары были известны ученым уже в XVIII в., а оппозиции фонетических признаков использовались фонетистами XIX в., но действительное применение и то и другое нашло только в фонологии XX в. [Augoux 1980: 12].

Ускоряющим фактором развития лингвистики выступают значительные сдвиги в развитии смежных наук, прежде всего, философии, психологии, социологии, логики, педагогики. В качестве примера можно привести значительное влияние на концепцию Женевской школы бурного развития в начале XX в. во Франции и Швейцарии психологии, в том числе детской, и педагогики. На развитие лингвистики оказывают влияние не только школы и направления смежных наук, но и отдельные ученые – представители этих направлений. Однако не всегда подобное влияние принимается во внимание в исследованиях по истории языкознания. Так, Дж. Ленски справедливо указывает, что в работах по истории языкознания XIX – начала XX в. обычно даже не упоминают таких известных в свое время ученых, как женевский психолог Г. Флурнуа, между тем его эксперименты с медиумами, говорящими на неизвестных языках, вызвали живой интерес Ф. де Соссюра [Lensky 1982: 30].

Поскольку история языкознания не выработала собственной модели развития своей науки, она обратилась к опыту науковедения. В англоязычных странах и в ряде стран Западной Европы в описании процесса развития науки о языке применяется понятие «парадигмы науки», разработанное для истории естествознания американским ученым Т. Куном [Кун 1975]. Согласно Куну, наука, достигшая определенной зрелости, развивается циклически: периоды планомерной деятельности сменяются резкими скачками (научными революциями), в результате которых полностью меняются установки, определяющие деятельность ученых. В результате научной революции происходит смена старой парадигмы на новую [Там же: 68].

Хотя понятие «парадигмы» и имеет определенные операциональные удобства, ее применение малоэффективно для такой гуманитарной науки, как история языкознания. Процесс смены парадигм у Куна не включает внутреннюю логику развития науки, преемственность между отдельными этапами развития, о чем говорилось выше, а также не учитывает прогресс научного знания. Поскольку в отличие от естествознания лингвистика является гуманитарной наукой, ее историю необходимо изучать в связи с историей культуры и общества.

Более приемлемой и продуктивной, на наш взгляд, для истории языкознания является концепция Ф. де Соссюра о трех последовательных фазах развития лингвистики: *грамматическая фаза*, когда преимущественное внимание уделялось нормативному описанию языков;

филологическая фаза, когда внимание ученых было сосредоточено на толковании и комментировании текстов; фаза сравнительно-исторического языкознания. К этим фазам следует, очевидно, добавить структурализм, многие направления которого восходят к учению Соссюра, и современную фазу – функционализм, сформировавшийся в значительной степени под влиянием Пражской и Женевской школ [Кузнецов 2004: 200 – 201]. В современной лингвистике функционализм все чаще рассматривается как метапарадигма, объединяющая разные школы и направления. Он характеризует и когнитивную, и коммуникативную парадигму лингвистических исследований.

Более продуктивным для истории языкознания является понятие научного сообщества Т. Куна. В его представлении ученый «может быть понят как ученый только по его принадлежности к научному сообществу, все члены которого придерживаются определенной парадигмы» [Кун 1975: 68].

К истории языкознания более применимы менее жесткие, чем парадигма, понятия: школы, направления, течения, традиции, которые «однако... – справедливо отмечает С. А. Ромашко, – крайне слабо разработаны» [Ромашко 1985: 25].

Предпримем попытку дать определение этих кардинальных для методологии истории языкознания понятий.

Школа в истории языкознания может быть интерпретирована как группа ученых, объединенных и вместе с тем отграниченных территориальной и культурно-исторической принадлежностью и – что самое главное – общностью научной концепции, возникшей на основе общего источника (как правило, таким источником является глава школы) и в дальнейшем развиваемой учеными, принадлежащими к данной школе; школа обычно живет и развивается в рамках какого-либо большего объединения: направления, течения, традиции. Такое строго определенное понятие школы применимо, например, к Пражской (если рассматривать ее как фонологическую школу) и к Копенгагенской школам.

В отличие от школы основным объединяющим принципом в направлении выступает не глава, учитель, а единство взглядов на язык как предмет исследования, общность исходных методологических установок и принципов исследования. Направление объединяет несколько школ, течений и отдельных концепций. Примером может служить французская социологическая лингвистика, наиболее видными представителями которой являются А. Мейе, Ж. Вандрисс, Э. Бенвенист, Ф. Брюно, М. Граммон, М. Коэн. Объединяющее начало этого направления – рассмотрение языка как социального факта, общественного продукта, который должен изучаться в связи с другими фактами и явлениями. Теоретические принципы этого направления очень близки установкам Женевской школы, не случайно Й. Йордан включает ее представителей в это направление [Йордан 1971: Гл. IV].

Термин «течение» употребляется в истории языкознания довольно редко. В целом под течением понимается более тесная группировка в пределах направления. Так, можно говорить о нео-позитивистском течении в структурализме.

«Этапы в развитии языкознания не зависят от национальных границ, но протекают в определенных национальных рамках. Те или иные национальные границы, в которых развивается наука о языке, принято называть *лингвистическими традициями*» [Амирова, Ольховиков, Рождественский 1975: 24]. Примером может служить французская традиция изучения языка в тесной связи с его носителем – человеком, оказавшая существенное влияние на формирование научной концепции Женевской школы.

Задача истории языкознания состоит также в определении места науки о языке в общем ходе познавательной деятельности, являющейся составной частью процессов, обеспечивающих функционирование и развитие общества, что вытекает из тесной связи лингвистики с общественной языковой практикой и важнейшей ролью языка в жизни общества. Для решения этой задачи требуется изучение: 1) социальной практики и общественных потребностей, решаемых

языкознанием, 2) состояния общественного сознания, значимого для науки о языке, 3) основных тенденций развития науки в целом. Поэтому история языкознания не может не учитывать в своих исследованиях связи развития языкознания с различными потребностями общественной языковой практики. Спектр этих потребностей чрезвычайно широк: совершенствование письменности, вопросы культуры речи и нормирования, перевод и преподавание языков, изучение древних текстов и др. Общественная языковая практика в значительной степени обусловила проблематику и направление исследований представителей Женевской школы. Научное познание, подчеркивает С. Ору, никогда не является понятием незаинтересованным, потому что наука представляет собой социальную практику [Augoux 1980: 10].

История науки не является чем-то законченным, устанавливающим непреложные истины. Как и любое научное знание, она эволюционирует. Это касается даже отдельных ученых, научное творчество которых достаточно хорошо изучено. Примером может служить теория Ф. де Соссюра, которой посвящено большое количество исследований, даже сложилось самостоятельное направление исследований – «соссурология». Публикуются все новые и новые работы, комментирующие, уточняющие, а нередко и проливающие новый свет на отдельные аспекты его доктрины. Известно, что даже хорошо изученные исторические факты при повторном обращении к ним предстают в ином свете и квалифицируются как имеющие научную ценность благодаря появлению новых документов и анализу их с позиций современной науки. Этому способствует также рассмотрение идей и положений на широком культурно-историческом фоне.

Перед исследователем творчества ученых стоит задача последовательного представления их концепции как взаимосвязанного, логически организованного целого. Иногда сами ученые излагают свои взгляды фрагментарно и разрозненно.

Известно, что взгляды ученых, в том числе и лингвистов, формируются на основе взглядов их предшественников, которыми могут быть как учителя, так и целые школы и даже направления. Задача историка науки состоит в том, чтобы установить генезис взглядов и идей ученых, логику развития их мировоззрения.

В истории языкознания недостаточно исследованной остается Женевская лингвистическая школа. Название «Женевская школа» употребляется применительно к ученикам и последователям Ф. де Соссюра по Женевскому университету. Она представлена непосредственными учениками Соссюра, основателями школы – Ш. Балли, А. Сеше, С. Карцевским и их учениками и последователями – А. Бюрже, А. Фреем, Э. Сольберже, Р. Годелем, Л. Прието, Ф. Каном, Р. Энглером, Р. Амакером.

В своей научной деятельности лингвисты Женевской школы опирались на основные положения теории Соссюра: дихотомии языка и речи, синхронии и диахронии, понимание языка как системы знаков, принцип произвольности и линейности лингвистического знака, различение внутренней и внешней лингвистики. Наряду с этими положениями в рамках Женевской школы были выдвинуты и получили развитие вопросы теории языка, обусловленные индивидуальными научными интересами ее представителей. Они неоднократно заявляли, что учение Соссюра не является для них догмой, и их научная деятельность является ярким тому подтверждением.

Как справедливо отмечает Ж. Редар [Redard 1982], в работах по истории языкознания (Робен, Мунен, Мальмберг, Леруа и др.) либо вообще не уделяется внимания Женевской школе, либо она занимает незаслуженно мало места. Как в зарубежной, так и в отечественной историографии науки о языке нет систематических исследований, посвященных целному разбору теории языка Женевской школы, в которых лингвистические воззрения представителей этой школы анализировались бы во взаимосвязи и в сравнении с общелингвистическими взглядами Соссюра и с другими современными им школами. Применительно к Женевской школе изучению подвергались лишь отдельные, преимущественно частные концепции некоторых ее

представителей [Будагов 1954; Илия 1970; Пospelов 1957; Введенский 1965; Слюсарева 1969 и др.]. Целый ряд положений Женеvской школы получает противоречивое толкование.

ЧАСТЬ I

РАЗВИТИЕ ПОЛОЖЕНИЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА Ф. ДЕ СОССЮРА

Глава I

Женевская школа: истоки научной проблематики и теоретические принципы

§ 1. Краткая историография Женевской школы и истоки научной проблематики. Научные связи с Россией

Название «Женевская школа» первым употребил Мишель Бреаль в сентябре 1894 г., воздавая должное научным заслугам и влиянию профессора Женевского университета Ф. де Соссюра. Это же название повторил 14 июля 1908 г. Шарль Балли в своем выступлении по случаю торжественного вручения Соссюру лингвистического сборника, изданного в его честь [Mélanges 1908]. Текст выступления Балли был опубликован 18 июля того же года в «Журналь де Женев» под названием «Учитель и ученики». Отметим, что это произошло за восемь лет до выхода в свет «Курса общей лингвистики». С этой даты название «Женевская школа» стало использоваться применительно к последователям Соссюра Ш. Балли и А. Сеше, в то время приват-доцентов Женевского университета, уже опубликовавших самостоятельные монографии и несколько статей. Вот что писал о происхождении названия сам Сеше: «Термин “Женевская школа” был впервые употреблен, если мы не ошибаемся, в 1908 году, когда чествовали профессора Ф. де Соссюра, и его друзья преподнесли ему том “Mélanges”» [Sechehaye 1927: 217]. Спустя 40 лет об этом писал также Р. Энглер: «Женевская школа существует *expressis terminis* с 1908 г. А. Сеше называл ее школой общей лингвистики, Р. Годель – соссюровской» [Engler 1968b: 158].

После смерти Ф. де Соссюра четыре с половиной года спустя кафедра общей лингвистики переходит к Ш. Балли. А после публикации «Курса» в 1916 г. и его огромный успех выдвинули Ш. Балли и А. Сеше на первый план в мировой лингвистике. Название «Женевская школа» зазвучало на Международных лингвистических конгрессах, а в 1927 г. Сеше дал ему определение: это название «употребляется лишь время от времени, но мы пользуемся им в качестве удобного обозначения движения, инициатором и учителем которого был Ф. де Соссюр и которое заявило о себе прежде всего публикациями двух его женевских учеников» [Sechehaye 1927: 217].

Женевская школа приобрела официальный статус в декабре 1940 г., когда по инициативе С. Карцевского было организовано Женевское лингвистическое общество. В него вошли женевские языковеды, идейно близкие «Курсу общей лингвистики» Ф. де Соссюра. Председателем общества был избран А. Сеше, Ш. Балли – почетным председателем, а С. Карцевский – вице-председателем. В 1941 г. вышел первый номер печатного органа общества «Cahiers Ferdinand de Saussure» («Тетради Фердинанда де Соссюра»). В нем был опубликован устав общества и список его членов. Во 2-й статье устава Женевского лингвистического общества было записано, что «Общество ставит перед собой цель всемерно содействовать прогрессу лингвистической науки главным образом путем изучения систем языков в свете принципов и методов теории Ф. де Соссюра» [CFS. № 1. 1941: 26]. Среди иностранных членов Женевского

лингвистического общества были такие известные ученые, как Л. Ельмслев, М. Граммон, Д. Джоунз, А. В. де Грот, Й. Йордан, Б. Мальмберг, Р. Якобсон, В. Вартбург.

Женевское лингвистическое общество просуществовало ровно шестнадцать лет и сыграло заметную роль в международной научной лингвистической деятельности. Однако после кончины его видного деятеля С. Карцевского оно было распущено в декабре 1956 г.

В феврале 1957 г. женевские лингвисты, последователи Соссюра и основателей Женевской лингвистической школы, объединились в «Кружок Фердинанда де Соссюра». Благодаря стараниям редакционного комитета в составе А. Фрея, А. Бюрже, Р. Годеля, Э. Сольберже и др. публикация «Тетрадей Фердинанда де Соссюра» была продолжена. На страницах этого ежегодника публикуются работы женевских и зарубежных языковедов, связанные с учением Соссюра, а также био- и библиографические материалы. Под редакцией Р. Годеля в 1969 г. вышла «Хрестоматия работ лингвистов Женевской школы» [A Geneva School 1969].

Для того чтобы иметь общую картину научной проблематики и теоретических принципов Женевской школы, целесообразно дать краткую характеристику ее представителей. Она представлена тремя поколениями лингвистов: непосредственными учениками Ф. де Соссюра, основателями школы Ш. Балли, А. Сеше, С. Карцевским (старшее поколение) и их учениками и последователями А. Бюрже, А. Фреем, Р. Годелем (второе поколение), Э. Сольберже, Л. Прието, Ф. Каном, Р. Энглером и Р. Амакером (третье поколение) (научные биографии и фото см. [Кузнецов 2003]).

Наиболее известным представителем Женевской школы является Шарль Балли (04.02.1865 – 10.04.1947). Он начал свою научную деятельность с занятий классической, главным образом, греческой филологией. Работа над древними текстами помогла Балли выработать высокий уровень филологической культуры и отличавший его впоследствии строгий метод филологического и лингвистического анализа.

Балли был слушателем с 1893 по 1906 г. лекций Соссюра по германистике и другим дисциплинам. Как свидетельствуют опубликованные на русском языке «Заметки по общей лингвистике» [Соссюр 1990], уже в этих лекциях содержались общие соображения о проблемах языковой деятельности и языке, о подходе к анализу языковых фактов.

В то же время проблематика первой крупной работы Балли «Краткий очерк стилистики» [Bally 1905] не является соссюровской. В ней чувствуется влияние австрийских психологов А. Мейнонга, Х. Эренфельса и Ж.-К. Крайбига, все они изучали оценочные суждения и интересовались аффективностью. С другой стороны, для изучения экспрессивных языковых средств Балли использует понятие системы, а конечная цель исследования очень напоминает знаменитую заключительную фразу «Курса»: «Моя цель – разработать рациональную концепцию живого языка, любого, рассматриваемого в самом себе и изучаемого для себя» [Ibid: 3]. Этот подход плохо сочетался с психологизмом автора, определявшим язык как «совокупность психических операций, которые следует изучать как в плане соотношения смысла с жизнью, так и с точки зрения законов и научных методов» [Ibid: 2].

Однако в итоговой работе Балли «Французская стилистика» (1909) присутствие психологизма ощущается меньше. Для работ Балли в целом свойственна собственная проблематика, но использование методов и приемов анализа восходит к учению Соссюра. По словам А. Фрея, Соссюр «сыграл решающую роль в научной ориентации Балли» [Frei 1946 – 1947: 130]. «Всю жизнь, – пишет Э. Вибле, – Балли называл себя учеником Соссюра» [Wiblé 1946 – 1947: 403]. Впервые опубликованная в 1995 г. [CFS 1995. № 48: 91 – 134] переписка Балли с Соссюром в период с 1894 по 1912 г. свидетельствует о том, что их связывали общие научные интересы.

Круг научных интересов Ш. Балли был необычно широк: общая теория языка, классическая филология, французская грамматика, лингвистическая стилистика.

Влияние французской лингвистической традиции, рассматривающей язык в тесной связи с обществом и его носителем – человеком, проявилось в работе Балли «Язык и жизнь» (1913).

Синтез научных идей Балли представлен в его итоговой работе «Общая лингвистика и вопросы французского языка» (1932).

Многие лингвисты Женевской школы называли Балли своим учителем, а его непосредственными учениками были известные женевские лингвисты второго поколения А. Фрей и Р. Годель. Научное влияние Ш. Балли распространилось далеко за пределы Швейцарии. Называя Балли новатором в науке, Ж. Вандриес писал, что «имя Ш. Балли – одно из тех, которые останутся в истории лингвистики. Можно даже полагать, что со временем оно приобретает еще большую славу в глазах новых поколений лингвистов» [Vendryes 1966: 188].

Среди критериев научного «веса» ученого А. П. Юдакин называет индекс цитируемости его работ [Юдакин 2000: 4]. В соответствии с этим критерием Ш. Балли, наряду с его учителем Ф. де Соссюром, занимает одно из ведущих мест в мировой лингвистике.

Вторым непосредственным учеником Соссюра и видным лингвистом был Альбер Сеше (04.07.1870 – 02.07.1946). Он познакомился с Соссюром раньше Балли, в 1891 г., и по 1893 г. слушал его лекции. Особенно привлекли его лекции по общей лингвистике. Осенью 1893 г., предположительно по совету Соссюра, он отправился для продолжения образования в престижный в то время Лейпцигский университет. Уже в своей докторской диссертации (1902), посвященной истории французского субжонктива, Сеше разработал революционный для того времени подход: исследование синтаксических диахронических фактов с точки зрения системы.

Отличие от Балли круг научных интересов Сеше в значительной мере сформировался под влиянием Соссюра. Это проявилось в его первой крупной работе «Программа и методы теоретической лингвистики» (1908), проблематика которой во многом предваряет основные понятия «Курса» Соссюра (этой важной работе специально посвящен § 4). После выхода «Курса» Сеше много сделал для пропаганды и популяризации идей своего учителя. Поэтому его по праву можно считать основателем «соссюрологии».

Помимо методологических проблем лингвистики Сеше много и успешно занимался теорией грамматики и вопросами связи лингвистической теории с общественной языковой практикой. Так, подобно Ф. Ф. Фортунатову, он выступал за сближение научной и школьной грамматики.

Сеше стал первым председателем созданного в 1940 г. Женевского лингвистического общества и оставался на этом посту до конца жизни.

В. М. Алпатов пишет, что жизнь А. Сеше в нейтральной Швейцарии протекала спокойно и не выходила за рамки научной деятельности [Алпатов 2003: 7]. Это не совсем так.

Малоизвестно, что Сеше был не только крупным ученым, но и общественным деятелем. Являясь главным редактором журнала «Эссор» (Essor), он выступал с публицистическими статьями об опасности фашизма для народов Европы. В качестве председателя Швейцарского комитета за посредничество и гражданский мир в Испании Сеше активно выступал в поддержку справедливой борьбы испанских патриотов. О высоком гражданском мужестве Сеше свидетельствует его выступление в 1937 г. на страницах прессы против присуждения Муссолини степени почетного доктора. В 1942 г., в разгар Второй мировой войны, Сеше вступил в движение «Новое демократическое действие».

В Женевском университете чтут память Сеше, изучается его наследие. Из учеников Сеше по Женевскому университету следует назвать Э. Сольберже. А.-М. Фриба-Ребер в статье, посвященной Сеше, пишет: «Отношение к Сеше, остававшегося долгое время сначала в тени самого Соссюра, а затем Балли, начинает меняться. Сеше был самобытным лингвистом» [Frýba-Reber 1995 – 1996: 135].

Третьим основателем Женевской школы и последним представителем старшего поколения был Сергей Иосифович Карцевский (28.08.1884 – 07.11.1955). Его жизненная и научная судьба сложились своеобразно. Он родился в России, участвовал в революционной деятель-

ности, был арестован, бежал, обосновался в Женеве. В университете он становится ревностным учеником Соссюра, посещает его лекции, получает основательную лингвистическую подготовку под руководством Балли и Сеше. Не случайно Карцевский был первым переводчиком работ Балли на русский язык.

Значительны заслуги Карцевского в изучении русского языка. Он первый описал его грамматический строй на основе учения Соссюра. Разработанная им классификация глаголов была использована в академической грамматике русского языка. Он создал учение о фразе, поставил на повестку дня изучение роли интонации в синтаксисе, разработал теорию синтагмы, ввел понятие продуктивности. Но наибольшую известность Карцевскому принесла его теория асимметричного дуализма лингвистического знака.

Карцевский сыграл видную роль в развитии лингвистики. Благодаря ему чешские лингвисты познакомились с учением Соссюра и, руководствуясь его положениями, создали по инициативе Карцевского Пражский лингвистический кружок. Снова благодаря Карцевскому теория Соссюра стала известна отечественным языковедам через два года после публикации «Курса».

В истории языкознания дискутировался вопрос о принадлежности Карцевского к Пражской или Женевской школе. Его лингвистическая концепция, проблематика, научно-педагогическая деятельность в течение более четверти века в Женевском университете дают основание считать его представителем Женевской школы. Да и сами пражские лингвисты причисляли Карцевского к Женевской школе [Трнка и др. 1965: 162]. В Женевскую школу включил Карцевского и В. А. Звегинцев в «Хрестоматии по истории языкознания». К Женевской школе относил Карцевского В. Г. Гак [Гак 2003: 8]. В то же время следует отметить, что иногда Карцевский отступал от положений соссюровского учения под влиянием, как свидетельствуют ссылки в его работах, немецких философов и мыслителей Канта, Гете, особенно Гумбольдта, а также своих современников Риккерта и Бергсона, у которых он заимствовал понятия длительности и гетерогенности. Это влияние проявилось в его концепции лингвистического знака и в интересе к проблеме мотивированности.

Карцевский успешно занимался не только лингвистикой, но и литературной деятельностью. Он многое сделал для пропаганды русской литературы и культуры за рубежом. По свидетельству Р. Якобсона, Карцевский любил говорить: «В моей работе я движим одной любовью, и эта любовь – русский язык».

Ко второму поколению лингвистов Женевской школы принадлежат А. Бюрже, А. Фрей и Р. Годель.

Андре Бюрже (15.02.1896 – 28.04.1985) был крупным специалистом в области классической и романской филологии, в его обширном научном наследии имеются работы и по общему языкознанию. Своими учителями он считал А. Мейе, Ш. Балли, Ж. Марузо и М. Нидермана.

Чезаре Сегре выделяет четыре периода в научной деятельности А. Бюрже [Segre 1985]. Первый период (1925 – 1934) посвящен классической лингвистике. Второй (1935 – 1944) связан преимущественно с романским языкознанием. Третий период с 1945 по 1959 г. связан с изучением средневековой французской литературы. Во время последнего периода своего научного творчества и позже А. Бюрже активно и успешно занимается также проблематикой Женевской лингвистической школы, что «нам дало полное право включить его в состав этой школы» [Segre 1985].

С 1945 г. Бюрже активно сотрудничал в «Тетрадах Фердинанда де Соссюра», был членом редакционного комитета. Он внес значительный вклад в развитие таких соссюровских понятий, как система, значимость, разграничение и выделение языковых единиц. В историографию Женевской школы Бюрже вошел как разносторонний лингвист, занимаясь романским языкознанием, он исследовал также памятники французского эпоса.

Анри Фрей (05.06.1899 – 14.11.1980) был учеником Ш. Балли. Так же как и его учитель, он считал важным изучение живого языка. Уже в первой крупной работе Фрея «Грамматика ошибок» (1929) сформировались его научные интересы, получившие развитие в его многочисленных работах, посвященных исследованию общих вопросов теории языка на основе учения Соссюра. Фрей был также специалистом по восточным языкам – китайскому и японскому, он один из первых применил положения теории Соссюра для их исследования. Для его работ характерен функциональный подход к языковым явлениям, он исследовал проблематику лингвистического знака, ввел в научный обиход термин «монема», разработал синтаксическую теорию. Подобно другим представителям Женевской школы, Фрей занимался не только синхронической, но и диахронической лингвистикой. Так, ряд его работ посвящен наиболее ранней разновидности древнеиндийского языка – ведийскому.

После кончины А. Сеше к Фрею перешло заведование кафедрой общей лингвистики Женевского университета. Наряду с Балли, Сеше и Карцевским он был основателем в декабре 1940 г. Женевского лингвистического общества и стал его секретарем. В 1957 г. он был избран редактором «Тетрадей Фердинанда де Соссюра». Благодаря усилиям Фрея «Курс» Соссюра был переведен в 1928 г. на японский язык. Это был первый перевод труда его учителя на иностранный язык.

В Женевском университете у Фрея было три ученика и последователя – Э. Сольберже, Ф. Кан и Р. де Дардель. «А. Фрей отличался самостоятельностью научного подхода и критическим умом», – писал о нем видный представитель Женевской школы Р. Годель [Godel 1980: 126].

Робер Годель (07.08.1902 – 03.06.1984) – ученик Ш. Балли. С именем Годеля связано начало «неососсюрианства» – пересмотр и более глубокое и когерентное понимание многих положений учения Соссюра. Этой проблематике была посвящена докторская диссертация Годеля «Рукописные источники Курса общей лингвистики Ф. де Соссюра» [Godel 1957], тема которой была предложена А. Фреем, он же был и научным руководителем. По словам Р. Амакера, эта работа оказалась «как нельзя своевременной», поскольку она стала для лингвистов – сторонников теории произвольности лингвистического знака – орудием противодействия нашествию лингвистики глубинных структур, которая возникла – историческое совпадение – в том же 1957 г. (год публикации «Синтаксических структур» Хомского) [Amacker 1985: 13].

Сфера научных интересов Р. Годеля была весьма широка – историография языкознания, теория языка, восточные языки, классическая филология, латинская поэзия, и в каждую из этих отраслей он внес свой вклад. Разрабатывая общую теорию языка, Годель сформулировал явление тождества знаков по их месту в парадигме [Godel 1948], с этих же позиций он подошел к вопросу о нулевом знаке и эллипсисе [Godel 1953]. Он занимался также теорией предложения [Godel 1969], определением синтагмы [Godel 1969], составил антологию работ представителей Женевской школы, положив тем самым начало ее историографии. Годель один из первых применил положения теории Соссюра для описания языков неиндоевропейской семьи – турецкого и армянского.

С 1947 по 1956 г. Годель являлся президентом Женевского лингвистического общества, заслуженным членом кружка Ф. де Соссюра, руководил редакционным комитетом «Тетрадей Фердинанда де Соссюра».

К третьему, последнему, поколению лингвистов Женевской школы принадлежат Э. Сольберже, Л. Прието, Ф. Кан, Р. Энглер и Р. Амакер.

Эдмон Сольберже (12.11.1920 – 21.06.1989) изучал общую лингвистику под руководством А. Сеше и А. Фрея, которого считал своим учителем. Тесная дружба связывала его с С. Карцевским и Р. Годелем. Сольберже вошел в историю науки как специалист с мировым именем в области языка, истории и культуры Шумера. Он впервые применил теоретические принципы Женевской школы для изучения этого языка. В области общего языкознания он зани-

мался разработкой поставленной Соссюром проблемы выделения единиц языка [Sollberger 1953]. Сольберже был членом редакционного комитета «Тетрадей Фердинанда де Соссюра».

Луис Прието (28.11.1926 – 31.03.1996) – специалист по классическим и романским языкам, общему языкознанию и семиотике. В Женевском университете проработал в общей сложности 27 лет, заведовал основанной Соссюром кафедрой общей лингвистики. Он читал пользовавшийся большой популярностью курс по семиологии, основываясь на положениях Женевской школы. На формирование лингвистической концепции Прието оказали также влияние Н. Трубецкой, А. Мартине и Э. Бенвенист. Прието в течение нескольких лет являлся председателем редакционного комитета печатного органа Женевской школы. В своих работах развил семиологические идеи Женевской школы, разработал знаковую теорию дискурса.

Феликс Кан (30.03. 1929 – 23.11.2009) – специалист по фонетике и общему языкознанию. Сфера научных интересов – разработка вопросов контрастивной фонетики, перевода и грамматики на основе положений Женевской школы. Кан разработал методику сопоставительного описания идеолектных грамматических явлений, основываясь на понятиях значения и значимости Женевской школы, фонологических оппозиций Трубецкого и метода изучения языков с помощью словаря фраз Фрея [Kahn 1954]. На протяжении многих лет он был казначеем редакционного комитета «Тетрадей Фердинанда де Соссюра».

Рудольф Энглер (25.10.1930 – 05.09.2003) – специалист по романской филологии и общему языкознанию. Круг научных интересов – теория языка, история языкознания, грамматика, диалектология, историческая лингвистика и романистика. Энглер внес значительный вклад в развитие «соссюрологии», историографии Женевской школы, разрабатывал собственную этой школе проблематику: принцип произвольности и линейности языкового знака, вопросы семиологии и семантики, соотношение синхронии и диахронии.

С 1984 г. президент «Кружка Фердинанда де Соссюра», председатель до 1987 г. редакционного комитета «Тетрадей Фердинанда де Соссюра».

Рене Амакер (22.01.1942) – младший и фактически последний представитель Женевской школы. Специалист по классической филологии, специализировался по общей лингвистике под руководством А. Фрея и Р. Годеля в Женеве и Туллио Де Мауро в Риме. Читал курс общей лингвистики, сравнительной грамматики греческого и латинского языков в Женевском университете, посвятил себя исследованию научного наследия Соссюра и основателей Женевской школы, а также разработке семантического синтаксиса, в течение многих лет председатель редакционного комитета «Тетрадей Фердинанда де Соссюра».

После смерти Л. Прието в 1996 г. и в результате изменения учебных программ по лингвистике кафедра общего языкознания Женевского университета, которой последовательно заведовали Ф. де Соссюр, Ш. Балли, А. Сеше, А. Фрей, Р. Годель, была упразднена.

Однако благодаря усилиям швейцарских лингвистов, многие из которых являются учениками представителей Женевской школы третьего поколения (А.-М. Фриба-Ребер, К. А. Форель, М.-К. Кап-Арто, Д. Гамбарара и др.), выход «Тетрадей Фердинанда де Соссюра» продолжается. Наряду с соссюрологией сформировалось и успешно развивается сходное направление, цель которого – изучение и интерпретация научного наследия ведущих представителей этой школы [Amacker 1976; 1982; Engler 1987; Frýba-Reber 1995 – 1996]. Началось изучение обширного рукописного фонда Ш. Балли. Этот фонд, хранящийся в библиотеке Женевского университета, весьма обширен и представляет большую научную ценность. Он содержит био-, библиографические документы, обширную переписку, записи лекций Соссюра, Мейе, Готье и др., конспекты лекций по общей лингвистике, классическим языкам, персидскому, литовскому языкам, эсперанто. Большой научный интерес представляют восьмитомный идеологический словарь аттической прозы, семитомный словарь санскрита, грамматика санскритского языка, незаконченный идеографический словарь французского языка.

На страницах «Тетрадей Фердинанда де Соссюра» начали публиковаться материалы фонда. Так, была опубликована лекция Ш. Балли, посвященная лингвистическим и методическим аспектам преподавания родного языка [Forel 1994]. Большой интерес для истории лингвистики представляет переписка Ш. Балли с Ф. де Соссюром, А. Мейе, с известным романистом Жюлем Ронжа в период 1912 – 1918 гг. и с А. Сеше с 1908 по 1918 гг. Предметом переписки является широкий круг вопросов: общая и историческая фонетика, идеологический словарь французского языка, над которым работал Балли, проблемы синтаксиса, морфологии, синхронии и диахронии, обсуждение новых публикаций по разным разделам лингвистики.

В Женевском университете чтут память Ш. Балли. Изучается его научный фонд. По словам женевского лингвиста Ж. Редара, «в научном наследии Балли еще многое предстоит открыть». Учреждены премия и стипендия Ш. Балли для финансовой поддержки научных исследований молодых ученых. 21 мая 1981 г. состоялась Первая научная конференция, посвященная Ш. Балли, на которой выступил Э. Косериу. Конференции проходят в форме научных чтений, на которые приглашаются с лекциями и докладами ведущие языковеды мира.

Следует с удовлетворением отметить, что в последние годы оживляется интерес к Женевской школе в нашей стране. Переизданы впервые за несколько десятков лет основные работы Ш. Балли «Общая лингвистика и вопросы французского языка» и «Французская стилистика». Переведена его книга «Язык и жизнь» [Балли 2003], а также основные работы А. Сеше [Сеше 2003а; 2003б]. Русский читатель получил возможность ознакомиться и с работами С. И. Карцевского, многие из которых были практически недоступны – вышла в свет книга «С. И. Карцевский. Из лингвистического наследия» [Карцевский 2000]. Переведены также две работы А. Фрея – «Грамматика ошибок» и «Соссюр против Соссюра? Статьи разных лет».

Научные связи Женевской школы с Россией были многочисленными и плодотворными. Наибольший вклад в развитие этих связей внес С. Карцевский. Выше говорилось о том, что он был русским по происхождению. Карцевский родился в Тобольске. Получив в 1903 г. диплом учителя, он преподавал в школе. Затем заведовал центральной библиотекой в Нижнем Новгороде. Он составил и впервые опубликовал ее систематический каталог.

С. Карцевского привлекала не только лингвистика, но и литература. Он активно сотрудничал в различных журналах. После того как он стал в Петербурге лауреатом конкурса на лучшую новеллу, М. Горький пригласил молодого писателя сотрудничать в журнале «Знание». Карцевский переписывался с выдающимся писателем и публицистом Р. Роланом. Предметом их переписки было творчество Л. Н. Толстого, которому Карцевский впоследствии посвятил ряд лекций, прочитанных им в Институте Ж.-Ж. Руссо.

После свержения царского режима в марте 1917 г. Карцевский вернулся из Женевы в Москву. Благодаря его выступлениям на заседаниях Московского лингвистического кружка, основанного в 1915 г. Р. Якобсоном и Г. Винокуром, отечественные лингвисты одними из первых в Восточной Европе познакомились с новаторскими идеями Ф. де Соссюра. Впервые Карцевский изложил учение Соссюра в докладе, прочитанном весной 1918 г.

А широкие научные круги ознакомились с учением Соссюра благодаря короткой рецензии на «Курс общей лингвистики М. Н. Петерсона, представителя Фортунатовской школы. Основную заслугу Соссюра Петерсон видел в разграничении языка и речи, а также синхронной и диахронной лингвистики. Философская основа теории Соссюра впервые была проанализирована В. Н. Волошиновым. Он связывал теорию Соссюра, всю французскую школу того периода (А. Мейе, Ш. Балли), а также русские школы Бодуэна де Куртене и Фортунатова с абстрактным объективизмом, который восходит к французскому рационализму XVII – XVIII вв.

В Москве Карцевский познакомился с учениками Фортунатовской школы. Впоследствии он выступил с критикой некоторых представителей этой школы – сторонников формального

направления в грамматике. Там же он познакомился с А. М. Пешковским, с которым в дальнейшем сотрудничал и научные взгляды которого были ему близки.

По неподтвержденным данным, С. Карцевский намеревался перевести на русский язык «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра. Однако первая попытка перевода была предпринята А. И. Роммом, известным своим переводом на русский язык романа Г. Флобера «Мадам Бовари». Начав работу над переводом «Курса», Ромм столкнулся со значительными терминологическими трудностями, о которых он писал Ш. Балли и А. Сеше. В итоге, как известно, русский читатель получил возможность ознакомиться с главным трудом Соссюра благодаря А. М. Сухотину (1888 – 1942).

Советские лингвисты в целом высоко оценили учение Ф. де Соссюра, в то же время ряд положений вызвал у них критику. В разные годы критическому анализу подвергались разные проблемы, поставленные в «Курсе». Вначале это было различие языка и речи, поскольку оно связано с социальной природой языка, привлекавшей пристальное внимание советских лингвистов в 20 – 30-е гг. прошлого века (Л. П. Якубинский, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, В. М. Жирмунский, Р. О. Шор, М. В. Сергиевский, Е. Д. Поливанов). В те же годы активно разрабатывалась проблематика «Язык и общество», поэтому многие идеи социологической школы в лингвистике, представителем которой был и Соссюр, нашли положительный отклик в отечественном языкознании.

В это же время в связи с решением практических задач языкового строительства активно обсуждались вопросы языковой политики, нормирования. В ряде работ содержалась критика соссюровской идеи, согласно которой говорящие субъекты не могут воздействовать на язык. Языковой коллектив инертен, пассивен по отношению к языку. Так, Л. П. Якубинский полагал, что Ф. де Соссюр не учитывает противоречивый характер лингвистического знака, который является произвольным, условным, случайным с точки зрения языковой структуры, но не является таковым в развивающейся системе языка, связанной с развитием общества [Якубинский 1929: 91].

Наряду с С. Карцевским значительную роль в установлении и развитии контактов между Женевской школой и русскими языковедами сыграла А. К. Соловьева, учившаяся в Женевском университете у Ш. Балли в 1910-х гг. По возвращении в Москву она вела переписку со своим учителем, опубликовала рецензию на его работу «Язык и жизнь» (журнал «Печать и революция». № 1. 1927). А. К. Соловьева была членом Московского лингвистического кружка. Она проработала большую часть жизни в Российской государственной библиотеке (бывшая Государственная библиотека имени В. И. Ленина). В ее архивах сохранилась неопубликованная статья о научном творчестве Ш. Балли.

Большой вклад в распространение в России идей Ф. де Соссюра и французской социологической школы сыграла другой член Московского лингвистического кружка Р. О. Шор (1894 – 1939), талантливый лингвист, специалист по истории и теории языкознания. Отзываясь с большой похвалой о ее комментариях, сопровождавших первое издание «Курса» Соссюра на русском языке, Р. Якобсон назвал ее вторым после А. М. Сухотина переводчиком Соссюра. Значительную роль в пропаганде идей Соссюра сыграла также работа Р. О. Шор «Язык и общество» (1936).

Р. О. Шор переписывалась с А. Сеше. В одном из писем, датированном 26 августа (год не указан, вероятно, 1926 – год публикации его работы), она с похвалой отзывается о его книге «Очерк логической структуры предложения», с которой она получила возможность ознакомиться благодаря А. К. Соловьевой. В этом же письме она привлекает внимание Сеше к некоторым неточностям в примерах из русского языка, приводимых в его книге.

Значительную роль в развитии научных связей с Женевской школой сыграла Н. А. Слюсарева (1818 – 2000). В центре ее научных интересов было изучение научного творчества Ф. де Соссюра, которому она посвятила докторскую диссертацию и монографию. При этом она

основывалась не только на каноническом тексте «Курса общей лингвистики», но и широко привлекала различные источники основного труда Соссюра, его заметки и другие материалы. Она пришла к выводу о неправомерности распространенных в то время обвинений в адрес теории Соссюра: отрыв синхронии от диахронии, ограничение исследований системой языка и внутренней лингвистикой. Во многом под воздействием работ Н. А. Слюсаревой у отечественных лингвистов изменился стереотипный подход к учению Соссюра.

За заслуги в области соссюрологии Н. А. Слюсарева была избрана в члены Клуба Фердинанда де Соссюра. А благодаря ее статье, опубликованной на французском языке в 1963 г. в «Тетрадах Фердинанда де Соссюра», западноевропейские лингвисты получили возможность познакомиться с восприятием идей Соссюра в нашей стране. При поддержке женевских лингвистов Р. Годеля и Р. Энглера Н. А. Слюсарева выступила инициатором издания на русском языке «Заметок по общей лингвистике» Ф. де Соссюра [Соссюр 1990], что позволило отечественному читателю ознакомиться со становлением его научной мысли. Перевод с французского был выполнен талантливым лингвистом и переводчиком Б. П. Нарумовым (1946 – 2006), общая редакция Н. А. Слюсаревой. Она же написала вступительную статью и комментарии.

Последней крупной работой Н. А. Слюсаревой стало критическое издание «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра под ее научной редакцией, включающее вводную статью, послесловие и комментарии, учитывающие новые соссюровские материалы. Это – третье по счету издание «Курса» Соссюра в нашей стране. Это издание в настоящее время является наиболее качественным и адекватным переводом французского текста.

§ 2. Теоретические принципы

В качестве ведущих представителей Женевской школы выступили три крупных лингвиста – прямые ученики Ф. де Соссюра – Ш. Балли, А. Сеше и С. Карцевский.

Формирование лингвистических взглядов Ш. Балли и А. Сеше закончилось в основных чертах в середине 20-х гг. XX в., и не случайно, что в 1927 г. Сеше опубликовал статью «Женевская школа общей лингвистики», в которой подводился своеобразный итог научной деятельности Балли и его самого.

В основу научной деятельности Женевской школы были положены следующие положения теории Соссюра: учение о языке и речи, разграничение синхронии и диахронии, понимание языка как системы знаков, произвольный и линейный характер знака, различение внутренней и внешней лингвистики.

В то же время в трактовке языковых явлений для Балли, Сеше и Карцевского характерно обращение к психологическим учениям своего времени. Это привело к тому, что их лингвистические концепции в некоторых своих аспектах несут отпечаток влияния ряда направлений психологии XX века, особенно психологии мышления. На психологию мышления широко опирался в своих грамматических исследованиях А. Сеше. Теория актуализации разрабатывалась Ш. Балли в период, когда французские психологи уделяли большое внимание изучению речи. В 20 – 30-х гг. XX в. во Франции выходит целый ряд психологических работ, специально посвященных анализу речи и языка [Delacroix 1930; Paulhan 1929 и др.]. Многие работы женевских лингвистов были опубликованы на страницах ведущего журнала французских психологов «*Journal de psychologie normale et pathologique*», по традиции часто помещавшего не только собственно психологические исследования речи, но и работы лингвистов, которые в какой-то мере затрагивают проблемы психологии. Представители Женевской школы были среди авторов сборника по проблемам речевой деятельности, вышедшего в 1933 г. в Париже – *Psychologie du langage*. Р., 1933, в котором лингвисты вместе с психологами обсуждали различные проблемы речевой деятельности. К идеям психологии восходит тезис о наличии нескольких сфер сознания и возможности раздельного их выражения в языке, который Балли кладет в основу

своего учения о соотношении интеллектуального и аффективного факторов в языке. Изучение рукописей и личных заметок С. Карцевского свидетельствует о том, что в поисках ответа на волнующие его вопросы он обращался к психологическим основам психоанализа.

В основе учения Соссюра о языке ведущее место занимали две системы координат: социальное/индивидуальное и потенциальное/реальное. Язык существует в коллективе в форме впечатлений, имеющих в каждом мозгу. Это социальный код, образующий необходимое средство для речевой деятельности. Речь в отличие от языка индивидуальна, это та область, в которой целиком распоряжается индивид и которая представляет собой акт воли и сознания отдельного человека. Речь в понимании Соссюра – это сложное явление, складывающееся из реализации означающего при помощи голоса, из реализации означаемого в соответствии с ситуацией и из конструирования фраз [Godel 1957: 154]. Однако проблемы функционирования языковой системы в концепции Соссюра не получили конкретного освещения.

Учение о языке и речи привело Соссюра к выделению двух достаточно самостоятельных частей науки о языке – *лингвистики языка* и *лингвистики речи*. Подчеркивая, что та часть, которая имеет своим предметом язык, является основной, Соссюр в то же время не умалял важности изучения языка в коммуникации: «Объект лингвистики – это речевая деятельность либо в ее различных проявлениях, либо в виде общих законов, которые могут быть выведены лишь из ее особых форм» [Godel 1957: 179]. Сеше особо подчеркивал, что Соссюр имел в виду необходимость дополнить теорию языка теорией речи, а об этом часто забывают, когда комментируют его учение [Sechehaye 1930: 365]². К сожалению, сам Соссюр не успел развить эту тему, но можно сказать, что лингвистика речи получила развитие в работах представителей Женевской школы.

В Женевской школе соотношение потенциального и реализованного, лежащее наряду с социальным и индивидуальным в основе системы категорий Соссюра, было переформулировано в соотношение виртуального и актуального.

Проблемы функционирования языковой системы, намеченные Соссюром, получили развитие в учении Ш. Балли и С. Карцевского об актуализации языковых знаков.

Еще в 1-ом курсе лекций Соссюр отмечал двусторонний характер связи между языком и речью³. Он неоднократно подчеркивал, что все изменения начинаются в речи, а когда новая форма начинает применяться в коллективе, она становится фактом языка, т. е. входит в систему. Однако из всех вопросов проблема соотношения языка и речи в связи с разграничением синхронии и диахронии является у Соссюра наименее ясной из-за того, что совершенно неразработанной осталась лингвистика речи [Слюсарева 1975: 88]. Методологическое решение этой сложной проблемы было намечено А. Сеше. По мнению Сеше, все вопросы, связанные с обусловленностью существования и эволюции языка психологическими, социальными и биологическими факторами, относятся к «лингвистике речи». Завершенная лингвистическая концепция, подчеркивал Сеше, должна принимать во внимание как язык, так и речь [Sechehaye 1930].

Одним из основных положений лингвистической теории Ф. де Соссюра, прочно вошедшим в проблематику исследований Женевской школы, является принцип произвольности лингвистического знака: «...связь, объединяющая означающее с означаемым, произвольна». Согласно Соссюру, «этот принцип подчиняет себе всю лингвистику языка, последствия его неисчислимы» [Engler 1967: 152]. Т. Де Мауро, комментируя учение Соссюра, называет принцип произвольности лингвистического знака центральным положением его теории [De Mauro 1972].

² Или не знают, как совершенно справедливо отмечает Н. А. Слюсарева [Слюсарева 1969: 216].

³ «Если речь – индивидуальное использование кода языка, то клад языка, находящийся в мозгу, образован в свою очередь из речи» [Godel 1957: 155].

В качестве следствия общего положения о произвольности языкового знака Ф. де Соссюр рассматривал потенциальную возможность сдвига отношений между означаемым и означающим: «...оба элемента, объединенные в знаке, живут совершенно в небывалой степени обособленно...» [Соссюр 1977: 109].

Проблема произвольности в ее соотношении с мотивированностью и положение о подвижном характере отношений между означаемым и означающим получили развитие в трудах Ш. Балли и С. Карцевского.

Разграничивая область синхронии и диахронии и делая упор на синхронию, что вполне соответствует нормирующей традиции всего французского языкознания, Соссюр вместе с тем подчеркивал, что синхронный метод и метод диахронный взаимно связаны.

Вслед за своим учителем основатели Женевской лингвистической школы проводили различие между синхронической (статической) и диахронической (исторической) лингвистикой. «Мы проводим различие, – писал А. Сеше, – между изучением фактов языка в их статическом состоянии и изучением их эволюции...» [Sechehaye 1926: 219]. В совместном ответе на вопрос I международного лингвистического конгресса «Какие методы наиболее приемлемы для полного и практического описания грамматики какого-либо языка?» Ш. Балли и А. Сеше написали: «Система языка получает подлинное объяснение только в том случае, когда отдают себе отчет в том, как живая мысль оформляется средствами языка» [Bally, Sechehaye 1928: 48]. В то же время разграничение синхронии и диахронии женевские лингвисты рассматривали не как антиномию, а как категорию методики лингвистического исследования: «...задача статической лингвистики состоит не в том, чтобы охватить все факты языка, а в том, чтобы выделить из массы этих фактов то, что в той или иной степени соответствует абстрактному идеалу языкового состояния» [Ibid.: 66].

В соответствии с рекомендациями своего учителя⁴ женевские лингвисты сосредоточили внимание на исследовании языка в синхронии как его реальном состоянии. Этим объясняется их пристальный интерес к фактам живого языка, разговорной речи, в частности к изучению функционирования языка в широком плане, и на этом пути они достигли выдающихся результатов не только в описании языковых явлений, но и в их объяснении. Напомним, что еще в 20-х гг. прошлого века выдающийся отечественный лингвист Е. Д. Поливанов указывал на объяснительную силу синхронных исследований: «...среди даваемых лингвистикой объяснений... языковых фактов найдутся такие, где привлекается только материал описательного языкознания, т. е. факты современного языкового состояния» [Поливанов 1928: 2].

Вопреки встречающемуся в лингвистической литературе мнению о представителях Женевской школы как об ортодоксальных синхронистах, в практике лингвистических исследований, развивая учение Соссюра о синхронии и диахронии, они проводили мысль о том, что для понимания современного состояния языка совершенно необходимо знать тенденции развития языка, обусловленные сложным взаимодействием элементов статики и динамики. Из этого положения исходил, в частности, С. Карцевский, считавший, что языковой знак в конкретной ситуации одновременно характеризуется как статичностью, так и динамичностью своих сторон. Учет динамики языковых явлений в статике выдвигался Карцевским как одно из требований к синхронному описанию языка [Карцевский 1925: 61 – 62]. Во многих своих работах он выходил за границы статического описания фактов и ставил вопрос о продуктивности грамматических категорий, динамике их внутреннего развития. Стремление учитывать элементы языковой динамики можно обнаружить и у других представителей Женевской школы. Через всю книгу Ш. Балли «Общая лингвистика и вопросы французского языка» проходит

⁴ «...синхронический аспект превалирует над диахроническим, так как для говорящих только он – подлинная и единственная реальность. Это же верно и для лингвиста: если он примет диахроническую перспективу, то увидит отнюдь не язык, а только ряд видоизменяющих его событий» [Соссюр 1977: 123].

учение о «языковых тенденциях»: тенденция «к прогрессивному порядку слов», тенденция к «концентрации языковых знаков», тенденция к «статическому характеру выражения». В лингвистике организованной речи, разработанной А. Сеше, элементы синхронии, по существу, совмещаются с элементами диахронии. А. Фрей подверг резкой критике методику анализа американских дескриптивистов, исключая учет явлений динамики в статике [Frei 1954a: 138 – 139]. В учении представителей Женевской школы о транспозиции последняя четко отграничена областью продуктивных явлений языка – не статическими отношениями, а непременно живыми и продуктивными связями языковых единиц.

Язык в сосюрсовском терминологическом смысле этого слова (*langue*) определяется как семиологическая система, код, без которого ни один акт словесной коммуникации не может быть полностью совершен. Язык, подчеркивали женевские лингвисты, одновременно *установление и система значимостей*.

Ф. де Соссюр выделил как достаточно самостоятельные сферы внутреннюю и внешнюю лингвистику. Задачей внутренней лингвистики является изучение языка как системы знаков, тогда как внешняя лингвистика занимается изучением тех отношений, которые связывают язык с духовной и материальной культурой, а также бытом общества, которому он принадлежит. Соссюр не отрицал, как иногда полагают, важности и значимости изучения проблематики, относящейся к внешней лингвистике. «Лишь при последнем анализе, – писал он в письме к А. Мейе, – когда раскрывается красочная сторона языка как принадлежащего некоторому народу со свойственными ему традициями, которая отличает его от всех прочих языков, вот только эта почти этнографическая сторона представляет интерес для меня...»⁵

В Женевской школе делается упор на рассмотрение языка как социального явления: «Язык есть социальное установление, и этот момент столь важен (Женевская и Французская школы выяснили это в достаточной степени), что им объясняется почти все в языке» [Карцевский 1928б: 25]. Настаивая на общественном характере языка, женевские лингвисты подчеркивали тесную связь языка с жизнью общества, которое пользуется этим языком: «...родной язык неразрывно связан с нашей жизнью, с жизнью общества и нации» [Балли 1955: 23]. Проблематика внешней лингвистики получила дальнейшее развитие в Женевской школе и выразилась, в частности, в разработке вопросов, вытекающих из связи теории языка с общественной языковой практикой.

Лингвисты Женевской школы сконцентрировали внимание прежде всего на изучении языка в процессе коммуникации, т. е. на воспроизведении в речи элементов языка, на функционировании языка в обществе. А. Сеше полагал, что разрабатываемая им «лингвистика организованной речи» явилась бы в итоге «дисциплиной, изучающей функционирование языка в условиях жизни человеческого общества» [Сеше 1965: 64]. Ш. Балли писал, что «только наблюдая за функционированием языка, можно вырвать у языка его секреты» [Bally 1935: 210]. В качестве одной из проблем будущего Балли называет экспериментальное изучение функционирования языка [Ibid.: 32]. Для того чтобы понять, как действительно функционирует язык, считал А. Фрей, необходимо строить лингвистику как науку, объясняющую это функционирование. Такая объясняющая функциональная лингвистика, подчеркивает Фрей, будет рассматривать речевую деятельность «в качестве системы приемов, организованной для потребностей, которые она должна удовлетворять» [Frei 1929: 39].

Но если «функционирование языка», как отмечает Э. Косериу [Косериу 1963: 190 – 191], – это, собственно говоря, речь, то нет ничего удивительного в том, что женевцы сосредоточили внимание на развитии именно «лингвистики речи». Женевских языковедов объединяет направленность исследований в область «лингвистики речи».

⁵ Цит. по: [Слюсарева 1969: 92].

«У женевских учеников и последователей Соссюра, – пишет П. Гиро, – понятие системы сочетается с идеей функции, выступающей на первый план в их исследованиях» [Current trends 1972: 1110]. Характерная особенность женевских ученых – интерес к функционированию языка – послужила для Р. А. Будагова основанием причислить их к сторонникам функциональной лингвистики [Будагов 1954: 29]. Функциональный подход к языку является принципиально важным для характеристики лингвистической концепции Женевской школы.

§ 3. Соссюрология

«Соссюрология»⁶ – особое направление исследований, сформировавшееся и получившее развитие в Женевской лингвистической школе. Предметом «соссюрологии» является изучение, толкование и комментирование творческого наследия Ф. де Соссюра с целью придания его учению вида цельной, стройной, согласованной во всех частях научной системы. Такой подход созвучен отношению самого Соссюра к теории языка, высказанного им во время беседы со своим студентом, слушателем его лекций Л. Готье: «...общая лингвистика представляется мне в виде геометрической системы» [Godel 1957: 30].

Началом «соссюрологии» можно считать 1916 г., когда Ш. Балли и А. Сеше опубликовали посмертно на основе студенческих конспектов «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра⁷. Балли и Сеше были непосредственными учениками Соссюра. Балли был слушателем с 1893 по 1906 г. соссюровских лекций по германистике и теории слога. Впервые опубликованная в 1995 г. («Cahiers Ferdinand de Saussure») переписка Балли и Соссюра в период с 1894 по 1912 г. свидетельствует о том, что их связывала тесная дружба, основанная на общности научных интересов. Еще раньше начал посещать лекции Соссюра Сеше. С 1891 по 1893 г. он слушал лекции Соссюра по сравнительной грамматике индоевропейских языков, греческой и латинской фонетике. Таким образом, ни Балли, ни Сеше не посещали лекций Соссюра по общей лингвистике, прочитанных им в 1907 – 1911 гг. Тем не менее они первые реконструировали научную мысль Соссюра и выступили систематизаторами его идей. Этому в немалой степени способствовало то, что многие положения учения Соссюра стали известны Балли и Сеше из устного общения и переписки с их учителем.

Влияние Соссюра чувствуется в работах Балли и Сеше, опубликованных до того, как Соссюр начал чтение курса общей лингвистики. По словам Сеше [Sechehaye 1927: 218 – 219], вдохновение, навеянное теорией и методом Соссюра, проявилось уже в первой крупной работе Балли «Краткий очерк стилистики», опубликованной в 1905 г. [Bally 1905], т. е. за год до того, как Соссюр приступил к чтению своего курса. Однако наибольший интерес в этом отношении представляет первая крупная работа самого Сеше «Программа и методы теоретической лингвистики», вышедшая в 1908 г. [Sechehaye 1908]. Она примечательна предвосхищением, а нередко и более глубоким изложением основных положений учения Соссюра.

Научный интерес для историографии языкознания представляет вопрос о доли участия Балли и Сеше в подготовке к печати «Курса общей лингвистики» Соссюра. Обычно этих двух учеников Соссюра приравнивают друг к другу как равноправных участников подготовки его труда. «Если редакция “Курса”, – пишет исследователь творчества Соссюра С. Буке, – является совместным трудом двух коллег (и, как отмечает Годель, Балли часто склонялся на сторону Сеше при интерпретации записей студентов), в первоначальном замысле проекта главная роль принадлежит, кажется, Балли: публиковать не конспекты слушателей, а реконструировать научную мысль Соссюра» [Bouquet 1998: 194]. Об этом свидетельствует, в частности, письмо

⁶ Термин предложен Н. А. Слюсаревой [Слюсарева 1971: 63].

⁷ Говоря словами А. Фрея, «последующие поколения всегда будут перед ними в неоплатном долгу за то, что они действительно взяли на себя ответственность воссоздать слово Учителя, и за то, как они это сделали» [Фрей 2006: 75].

Ш. Балли А. Мейе, обнаруженное автором в архивных материалах Балли в Коллеж де Франс, и дальнейшая переписка двух ученых [Correspondances Bally – Meillet (1906 – 1932) // CFS. 1989. № 43: 102 – 103]. Попутно отметим, что сам Мейе склонялся к тому, что при подготовке «Курса» Соссюра к печати предпочтительно основываться на конспектах его слушателей.

Работа А. Сеше «Программа и методы теоретической лингвистики» (1908), содержание которой удивительным образом перекликается с «Курсом», дает основание считать, что он лучше был подготовлен к восприятию идей Соссюра и их систематизации, чем Балли, научные интересы которого были сосредоточены на стилистике. К тому же из документальных источников известно, что в период подготовки лекций Соссюра к изданию Балли был очень занят научно-педагогической деятельностью. Основная работа по изданию «Курса» была проделана Сеше, и лишь на ее завершающем этапе в ней приняли участие Балли и Ридлингер. В самом предисловии к «Курсу» издатели пишут, что «для третьего курса (последнего и наиболее значимого. – В. К.)... кропотливая работа по сличению версий и редактированию была произведена одним из нас – А. Сеше» [Соссюр 1977: 36].

Балли и Сеше отдавали себе отчет в чрезвычайной сложности и ответственности задачи, за решение которой они взялись. «Мы полностью осознаем свою ответственность перед лицом научной критики и перед самим автором, который, возможно, не дал бы своего согласия на опубликование этих страниц. Эту ответственность мы принимаем на себя целиком и хотели бы, чтобы она лежала только на нас» [Там же: 38]. Действительно, задача издателей была не из легких, и, как установил Р. Годель, изучивший и опубликовавший рукописные источники «Курса» Соссюра [Godel 1957], они не всегда удачно справились с нею. Сеше объяснял построение «Курса» тем, что три курса лекций, прочитанных Соссюром, изложены по-разному, поэтому издатели расположили материал в том порядке, который им показался наиболее приемлемым и логичным [Sechehaye 1927: 234]. Так, вместо авторского заглавия первой главы первой части «Язык как система знаков», в которой лингвистика рассматривалась как часть семиологии, они ввели заглавие «Природа языкового знака», а связь лингвистики и семиологии перенесли во «Введение» (гл. III, § 3); кроме того, этот материал был более подробно представлен в курсе, прочитанном Соссюром в 1908/1909 г., тогда как издатели представили текст на основе курса 1910/1911 г.

Композиция «Курса» обусловлена тем, как сами Балли и Сеше понимали теорию своего учителя, и в этом смысле канонический текст можно рассматривать как своего рода манифест Женевской школы. В дальнейшем учение Соссюра получило развитие в той последовательности, в какой оно изложено в «Курсе». Дихотомия языка и речи была принята в качестве постулата и в классических школах структурализма. Она послужила основой для разработки фонологической теории Пражской школы, учения глоссематики о языке как форме, понятий варианта и инварианта в различных направлениях структурной лингвистики.

Вряд ли учение Соссюра получило бы быстрое распространение и завоевало умы лингвистов, если бы не энергичная популяризаторская и пропагандистская деятельность Балли, Сеше и Карцевского.

Впервые основные положения теории Соссюра без их анализа были представлены 27 октября 1913 г. Ш. Балли в публичной вступительной лекции курса общей лингвистики при вступлении в должность заведующего кафедрой, унаследованной от Соссюра [Bally 1913]. В то же время некоторые важные понятия учения Соссюра были представлены упрощенно и неадекватно. Это касается, в первую очередь, значимости, которую Балли приравнивал к значению, – соблазн, против которого впоследствии предостерегал Л. Ельмслев. В этой же лекции Балли заявил, что материалы Соссюра, возможно, будут когда-нибудь опубликованы.

Сеше первый обратил внимание научной общественности на новизну положений теорий Соссюра, прежде всего, на ее главное звено – произвольный и линейный характер языкового знака в статье «Проблемы языка в свете новой теории», опубликованной всего через год после

выхода «Курса» [Sechehaye 1917]⁸. «С неумолимым упорством он, – говорил о Сеше Балли, – защищал теоретические принципы “Курса” от несправедливой критики, старался разъяснить наиболее сложные его положения, смысл которых не лежал на поверхности» [Мартен 2003: 219]. В 1922 г. Ш. Балли совместно с Леопольдом Готье издал «Сборник научных публикаций Ф. де Соссюра» [Bally 1922a].

С. Карцевский был одним из самых первых пропагандистов учения Соссюра в России и Восточной Европе. Благодаря его выступлениям на заседании Московского лингвистического кружка весной 1918 г. отечественные лингвисты одними из первых познакомились с новаторскими идеями Соссюра. Позднее, в 20-е гг., во время пребывания Карцевского в Праге, с учением Соссюра познакомились чешские лингвисты и, руководствуясь его положениями, создали по инициативе Карцевского Пражский лингвистический кружок.

Р. Амакер выделяет два периода в развитии «соссюрологии»: 1) от публикации «Курса» до конца Второй мировой войны, связанный главным образом с деятельностью Балли и Сеше, 2) после 1945 г., когда началось тщательное исследование рукописного наследия Соссюра с целью придать его учению законченный и связанный характер; второй подход он называет неососсюрианством [Amacker 1976: 72 – 73].

Известно, что издатели «Курса» ограничились некоторыми конспектами слушателей трех курсов, о чем они сами писали в предисловии, отметив, что попытки найти записи самого Соссюра окончились неудачей. Таким образом, мысль Соссюра долгое время воспринималась на основе канонического текста «Курса».

Интересно, что еще в 1939 г. А. Сеше поставил вопрос о несоответствии мыслей Соссюра формулировкам «Курса» и о возможном их пересмотре [Sechehaye 1939: 22]. В 1952 г. А. Фрей сослался на даты и содержание лекций Соссюра; это свидетельствует о том, что он имел доступ к рукописным источникам «Курса» [Frei 1952]. Совсем не случайно именно он рекомендовал Р. Годелю заняться их исследованием.

В 1954 г. Годель опубликовал в «Тетрадах Ф. де Соссюра» «Неизданные заметки Ф. де Соссюра» с предисловием, в котором сообщался важный факт: эти заметки, написанные до 1900 г., свидетельствуют, что общетеоретические проблемы интересовали Соссюра задолго до чтения лекций по общей лингвистике.

А в 1957 г. Годель выпустил научный труд «Рукописные источники Курса общей лингвистики» [Godel 1957], содержащий тщательный анализ оригинальных конспектов и заметок самого Соссюра, которые не были известны издателям. С этого времени ссылки на «Курс» стали корректироваться обращением к книге Годеля.

⁸ Московские лингвисты проявляли большой интерес к статье Сеше, поскольку в это время в Москве было всего 2 – 3 экземпляра «Курса общей лингвистики», а познакомиться с учением Соссюра хотели многие [Тоддес, Чудакова 1981: 235].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.